

8. Kononirenko V.A. Pereselenie na territoriyu byvshei «nemetskoj avto-nomiI» v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: tseli, zadachi i realizatsiya // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Ser. «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniYA». 2016. T. 16, vyp. 3. S. 354–359.
9. Kononirenko V.A. Pereselenie kolkhoznikov iz Rossii i Ukrainy na postdeportatsionnye territorii Kryma v 1944–1953 gody // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Ser. «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniYA». 2017. T. 17, vyp. 1. S. 59–63.
10. Trudy Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. T. 1 / pod red. A.A. Yarilova [i dr.]. M.: Ucheb. tip. TSDKVRM, 1924. 408 s.
11. Yamzin I.L., Voshchinin V.P. Uchenie o kolonizatsii i pereseleniyakh. M.; L.: Gos. izd-vo, 1926. 330 s.
12. Platunov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1976. 283 s.
13. Verbitskaya O.M. Planovoe sel'skokhozyaistvennoe pereselenie v RSFSR v 1946–1958 gg. // *Voprosy istorii*. 1986. № 12. S. 13–25.
14. Moiseenko V.M. Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (iz istorii migratsii v Rossii) // *Demograficheskoe obozrenie*. 2015. T. 2, № 3. S. 87–141.
15. Piskunov S.A. Gosudarstvennaya politika sel'skokhozyaistvennogo pereseleniya i ee realizatsiya na territorii RSFSR (vtoraya polovina 1940-kh – 1980-e gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. Tambov, 2017. 516 s.
16. Zandanova L.V. Sel'skokhozyaistvennoe pereselenie v Sibir' (konets 40-kh – seredina 60-kh godov XX veka): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1998. 34 s.
17. Bol'shakova G.I. Osobennosti gosudarstvennoi pereselencheskoj politiki v 1940–1960-e gody na Karel'skom peresheike // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2008. Vy. 59. S. 197–203.
18. Massovye agrarnye pereseleniya na Vostok Rossii (konets XIX – seredina XX vv.) / S.A. Krasil'nikov [i dr.]. Novosibirsk: Novosib. nats. issled. gos. un-t, 2010. 206 s.
19. Isaev A.A. Problemy zakrepleniya demobilizovannykh krasnoarmejcev v kolkhozakh Dal'nego Vostoka v 1930-e gody // *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta*. 2016. № 5. S. 126–132.
20. Shcheglov V.V. Opyt sakhalinskikh pereselenii (1853–2002 gg.). Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaya obl. tip., 2019. 254 s.
21. Belousov S.S. Pereselencheskaya politika v Astrakhanskoj oblasti v 1944–1945 godakh // *Nauchnyi dialog*. 2024. T. 13, № 4. S. 346–362.
22. O zadachakh pereseleniya, ego organizatsii, osnovakh sostavleniya planov pereseleniya i o poryadke finansirovaniya pereselencheskikh meropriyatii: postanovlenie TSIK i SNK SSSR ot 18 yanvarya 1928 g. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/397845> (data obrashcheniya: 18.06.2024).
23. RGAEH. F-1562. Op. 1. D. 7.
24. RGAEH. F-5675. Op. 1. D. 185.
25. O l'gotakh po sel'skokhozyaistvennomu pereseleniyu: postanovlenie TSIK i SNK SSSR ot 17 noyabrya 1937 g. № 115/2043. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/402132> (data obrashcheniya: 03.11.2015).
26. O reorganizatsii rukovodstva pereselencheskim delom: postanovlenie TSIK i SNK SSSR № 66 ot 10 iyulya 1936 g. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=31707;fld=134;dst=100014;rn=0.9356577307917178> (data obrashcheniya: 01.11.2024).
27. RGAEH. F-5675. Op. 3. D. 9.
28. Ob organizatsionnykh voprosakh Pereselencheskogo upravleniya pri SNK Soyuza SSR: postanovlenie SNK SSSR № 1447 ot 14 sentyabrya 1939 g. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;>

base=ESU;n=33768 (data obrashcheniya: 01.11.2024).

29. RGAEH. F-5675. Op. 1. D. 240.

30. RGAEH. F-5675. Op. 1. D. 354.

31. RGAEH. F-5675. Op. 3. D. 12.

32. O razvitii rybnykh promyslov v basseinakh rek Sibiri i na Dal'nem Vostoke: postanovlenie SNK SSSR i TSK VKP (b) ot 6 yanvarya 1942 g. № 19. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43386&dst=100001#ZX2qJAThv7uLmLKI> (data obrashcheniya: 18.11.2022).

33. O razvitii pribrezhnogo lova ryby v Belom i Barentsevom moryakh: postanovlenie SNK SSSR i TSK VKP (b) ot 24 oktyabrya 1942 g. № 1732 // GARF. F. R-5446 sch. Op. 106 sch. D. 66.

34. GARF. F. A-327. Op. 2. D. 18.

35. O zaselenii i osvoenii raionov byvshei Checheno-Ingushskoi ASSR: postanovlenie № 255-74 ss. ot 9 marta 1944 g. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/298783> (data obrashcheniya: 18.06.2024).

36. Rakachev V.N. Pereselencheskaya politika v SSSR v pervoe poslevoennoi desyatiletie i ee realizatsiya na Kubani i v Stavropol'e // *Vlast'*. 2016. № 11. S. 181–186.

37. RGAEH. F-5675. Op. 1. D. 678.

Статья принята к публикации 15.10.2024/
The article has been accepted for publication 15.10.2024.

Информация об авторе:

Наталья Викторовна Чернышева, главный научный сотрудник отдела исторической демографии, доктор исторических наук, доцент

Мария Вячеславовна Буцких, младший научный сотрудник отдела исторической демографии

Information about the authors:

Natalia Viktorovna Chernysheva, Chief Researcher at the Department of Historical Demography, Doctor of Historical Sciences, Docent

Maria Vyacheslavovna Butskikh, Junior Researcher, Department of Historical Demography

Научная статья / Research Article

УДК 316.73:303.832.24:2-4

DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-74-83

Татьяна Владимировна Излученко¹*, Денис Николаевич Гергилев²,

^{1,2}Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

^{1,2}ФИЦ Красноярский научный центр СО РАН, Красноярск, Россия

¹izluchenko@mail.ru

²turilak@yandex.ru

РОЛЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Цель исследования – выявление исторической динамики взаимоотношений позиций ученого-религиоведа и эксперта-религиоведа в аспекте становления религиоведческой экспертизы в системе безопасности России. Рассмотрена историческая динамика взаимоотношений позиций ученого-религиоведа и эксперта-религиоведа. Освещены ключевые вопросы дискуссии относительно критериев признания экспертами-религиоведами наличия соответствующих компетенций и опыта в академической и/или юридической области, а также этической составляющей собственного религиозного опыта кандидатов. Историко-генетический метод обеспечил описание общих компонентов работы эксперта, изменяющихся институциональных и политических условий на разных этапах становления религиоведческой экспертизы в постсоветской России. Концепция секьюритизации объясняет референтную позицию государства и социума перед угрозами религиозного фактора, требующими экспертной оценки и правового регулирования. Обозначена роль религиоведа в обеспечении безопасности, заключающаяся в способствовании секьюритизации нетрадиционных религиозных проявлений. Выявлена тенденция к смещению роли эксперта-религиоведа в область консультирования. Организационно-правовые моменты, выражающиеся в отсутствии государственной сертификации эксперта-религиоведа, и финансовые ограничения государственных институтов провоцируют обращение к недостаточно компетентным специалистам. В качестве эксперта-религиоведа легитимизируются лица, не обладающие религиоведческими знаниями, профессиональным опытом и навыками выдачи экспертного заключения, но отвечающие только формальным требованиям. Методологические трудности основываются на процессуальных разногласиях между экспертами-религиоведами и юристами, отражающих формальные требования к одним и строгие правила для других. Сложности возникают при включении дискуссионных данных научного обсуждения вопроса, в рамках которого сформированы различные интерпретации, зависящие от исследовательской позиции и научного интереса ученого-религиоведа, в правовое поле. Снижение наметившегося разрыва между академической составляющей и правовой практикой в религиоведческой экспертизе будет способствовать получению высококачественных результатов, использование которых приведет к оптимизации религиозно-государственных отношений и повышению безопасности.

Ключевые слова: религиоведческая экспертиза, религиоведческое исследование, безопасность, секьюритизация, законодательство

Для цитирования: Излученко Т.В., Гергилев Д.Н. Роль научного знания при проведении религиоведческой экспертизы: история и современность // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 74–83. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-74-83.

Tatyana Vladimirovna Izluchenko¹, **Denis Nikolaevich Gergilev²**,

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

^{1,2} FRC Krasnoyarsk Scientific Center SB RAS, Krasnoyarsk, Russia

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹izluchenko@mail.ru

²turilak@yandex.ru

THE ROLE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN CONDUCTING RELIGIOUS STUDIES EXPERTISE: HISTORY AND MODERNITY

The aim of the study is to identify the historical dynamics of the relationship between the positions of a scholar of religion and an expert in religion in the context of the development of religious studies expertise in the Russian security system. The paper examines the historical dynamics of the relationship between the positions of a scholar of religion and an expert in religion. It highlights key issues in the discussion regarding the criteria for recognizing experts in religion as having relevant competencies and experience in the academic and/or legal fields, as well as the ethical component of candidates' own religious experience. The historical and genetic method provides a description of the general components of an expert's work, changing institutional and political conditions at different stages of the development of religious studies expertise in post-Soviet Russia. The concept of securitization explains the reference position of the state and society in the face of religious threats that require expert assessment and legal regulation. The role of a religious scholar in ensuring security is outlined, consisting in facilitating the securitization of non-traditional religious manifestations. The study reveals a tendency to shift the role of an expert in religious studies to the field of consulting. Organizational and legal issues, expressed in the lack of state certification of an expert in religious studies, and financial restrictions of state institutions provoke an appeal to insufficiently competent specialists. Persons who do not have religious studies knowledge, professional experience and skills in issuing an expert opinion, but who meet only formal requirements, are legitimized as experts in religious studies. Methodological difficulties are based on procedural disagreements between experts in religious studies and lawyers, reflecting formal requirements for some and strict rules for others. Difficulties arise when including controversial data from a scientific discussion of an issue, within the framework of which various interpretations have been formed, depending on the research position and scientific interest of the scholar in religious studies, in the legal field. Reducing the emerging gap between the academic component and legal practice in religious studies expertise will contribute to obtaining high-quality results, the use of which will lead to the optimization of religious-state relations and increased security.

Keywords: religious studies expertise, religious studies research, security, securitization, legislation

For citation: Izluchenko T.V., Gergilev D.N. The role of scientific knowledge in conducting religious studies expertise: history and modernity // Socio-economic and humanitarian journal. 2025. № 1. S. 74–83. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-74-83.

Введение. В обеспечении системы безопасности актуализировались вопросы, относящиеся к нарушению социального единства, размыванию национальных, этнорелигиозных идентичностей и провоцирующие возникновение нетрадиционных оснований идентификации. Религия является важным фактором внутривнутриполитической обстановки, способным как дестабилизировать ее (рост религиозного фундаментализма, религиозного экстремизма), так и привести к конструктивным решениям в области культурного суверенитета и социального воспроизводства (прогосударственные позиции традиционных религий, межрелигиозный диалог).

В прагматическом аспекте историко-религиоведческие исследования должны проводиться в рамках исследований безопасности (security studies), вырабатывать множество объяснительных теорий о значимых феноменах, предоставлять аналитические данные для экспертных заключений. Однако данный подход не является исторически обусловленным, что профундировано спецификой развития религиоведения в период конца XX в. по настоящее время. Зачастую экспертные оценки сводятся к различиям в интерпретации академических данных, религиоведческие исследования мотивируются познавательным интересом ученого, а религиоведческая экспертиза выполняется лицами, далекими от религиозной проблематики и научной деятельности.

Цель исследования – выявление исторической динамики взаимоотношений позиций ученого-религиоведа и эксперта-религиоведа в аспекте становления религиоведческой экспертизы в системе безопасности России.

Объекты и методы. Данная работа проведена на основе принципов историзма, объективности и системности при привлечении как общенаучных, так и специализированных методов научного исследования. Историко-генетический подход способствовал пониманию проблемы посредством пересмотра множества факторов и причинно-следственных связей, обусловленных событиями и процессами прошлого, институциональ-

ными условиями и политическими структурами. Нетрадиционные религиозные проявления (религиозный экстремизм) в качестве социетальной угрозы рассматривались концепцией секьюритизации Б. Бьюзена. Государство и общество позиционировались одновременно референтными объектами и конструкторами, легитимизирующими действия друг друга относительно воспринимаемой угрозы.

Результаты и их обсуждение. Проблематика современных исследований безопасности (security studies) преимущественно сводится к международным отношениям и разрешению вопросов, касающихся государства как референтного объекта, тождества государственной и национальной безопасности; динамики внутренних угроз, опасностей. Б. Бьюзан актуализировал изучение социетальной безопасности в аспекте социокультурных, религиозных и национальных процессов: формирования новых идентичностей и разрушения старых [1]. Угрозы идентичности заключаются в процессах, которые потенциально могут принести вред обществу от подавлений проявлений идентичности до вмешательства в межпоколенческое воспроизводство. Таковыми выделяют миграцию, горизонтальную (борьба за ресурсы внутри социума) и вертикальную (вхождение в большую общность) конкуренции [2, р. 221–235]. Этнонациональная идентичность взаимосвязана с религией. Усиливая друг друга, они формируют более четкую идентичность. В условиях культурного геноцида религия может провоцировать рост культурного национализма, формирование соответствующих норм, ценностей и убеждений. Для недопущения этого и оптимизации государственно-религиозного регулирования требуется разграничение религиозных организаций от религиозных экстремистских организаций, нетрадиционных проявлений религиозности от противоправных действий.

М. Гласер и другие подчеркнули необходимость соотношения академических исследователей и экспертов – практиков, включенных в структуру «объект-субъект-заказчик» и связанных со сра-

щиванием экспертизы и политики. Ситуацию усугубляет депрофессионализация экспертного сообщества [3]. Бывшие сотрудники правоохранительных органов и политики выступают в качестве экспертов в области религиоведения, а работая в соответствующих центрах, игнорируют академическую составляющую и результаты научных исследований. Это согласуется с мнением Ж.-П. Бродера об отказе в привлечении экспертами ученых по финансовым и организационным причинам. Экспертами все чаще выступают юристы, профессионалы в области специализации экспертизы, понимающие поэтапную работу правоохранительной системы [4, р. 123–158]. Однако Дж. Зивот справедливо подчеркнул значимость наличия научных, технических или других специализированных знаний эксперта для следствия и/или суда. В США в 1923 г. в деле «Фрай против США» была закреплена норма общего права о допустимости научных доказательств, которые должны быть надежными и значимыми [5].

Критериями эксперта Дж. Кремс обозначил а) показатели эффективности – количество результативных исследований при минимальных ошибках; б) наличие соответствующих компетенций, свидетельствующих о владении предметными знаниями, методами исследования; в) полученный в течение длительного времени опыт, включающий эмпирическое изучение [6, р. 80–91]. С. Лу и Х. Ляо обосновали конструктивность использования профессиональных знаний экспертов в рамках концепции альтернативной цепочки для оценки эффективности. Метод определения значимости экспертов на основе радиуса доверия к ним среди коллег позволил сформировать рабочий коллектив, а разработанная система критериев – минимизировать неопределенную оценочную информацию, чтобы точно уловить суть объектов принятия решений [7]. Данная позиция подразумевает академическую работу со стороны эксперта, получение непосредственно им когерентных знаний научным методом исследования и их трансляцию заказчику.

Иной подход предложил В. Уолтер, опираясь на теорию «общество знания». Он указал, что эксперт – это реляционно определяемая социальная роль, которая основывается на предположении о наличии у них больших предметных знаний и способности ими управлять в сравнении с теми, с кем они взаимодействуют, а также в сравнении с хорошо информированными общественниками и заказчиками. Эксперты «частично получают и частично создают свои полномочия, постоянно демонстрируют свою компетентность и передачу знаний о науке публике или держателям власти» [8, р. 39–40]. По мнению Т. Хуан и его коллег, эксперты выступают в качестве приглашенного стороннего наблюдателя в проблемной ситуации, который разрабатывает механизмы конструктивного разрешения [9].

Религиоведческая экспертиза обладает спецификой, связанной не только с объектом исследования, но и относительной новизной, отсутствием алгоритмов анализа и разработанных правовых и этических критериев оценки. В. Ю. Лебедев и А. М. Прилуцкий отметили субъективизм религиоведческой экспертизы как следствие ее методологической необеспеченности, которая способствует политизации экспертной деятельности и провоцирует «войну экспертов». Решением представляется введение трехуровневой методологии: актуальных компетенций религиоведа; позиция самого объекта исследования; оригинальная научная методология [10]. Согласимся, что в качестве оценки деструктивности эксперт-религиовед должен руководствоваться не культурологическими, богословскими или личностными убеждениями, а правовыми нормами и действующим законодательством (Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

Проблемы этики эксперта-религиоведа и методологии проведения религиоведческой экспертизы актуализировались в последние несколько лет по

причинам отсутствия общепринятой методологии проведения религиоведческой экспертизы и, как следствие, опоры экспертами на свои личные знания в религиозной сфере при анализе материалов, интерпретации их содержания и определения смысловой направленности [11]. Д. О. Крюков отметил необходимость наличия субъективного религиозного опыта наравне с нормативно-правовой подготовкой, аналитическим мышлением и религиоведческим образованием [12, с. 69]. Е. С. Элбакян настаивает не только на наличии у эксперта академических знаний, подтвержденных признанием со стороны научного сообщества, но и опыта религиоведческих исследований, проведенных им на основе метода «включенного наблюдения». Работа эксперта должна основываться на следующих методологических принципах: а) эмпатического постижения религиозного явления; б) рассмотрения объекта в контексте; в) игнорирования собственных религиозных убеждений и ценностных суждений [13, с. 148].

На наш взгляд, религиозные убеждения эксперта несут возможную угрозу не критичного или гиперкритичного отношения к материалам (источникам), обвинениям в предвзятости со стороны научного сообщества, широкой общественности, религиозных организаций и иных субъектов публичного пространства. Религиозный опыт, участие в ритуальных практиках у эксперта-религиоведа допустимы. Однако они должны быть рационализированы, логически проанализированы и использоваться как материал в профессиональной деятельности.

А. В. Лисовская разграничила религиоведческую экспертизу, основанную на соответствующих знаниях и ориентированную на разрешение конкретной задачи – оценки или проверки предоставленных материалов религиозного содержания (регистрация религиозной организации), и религиоведческое исследование, которое направлено на расширение научной базы и имеет широкую предметную область [14, с. 235]. Данная позиция указывает на ограниченность одного лица выступать в роли эксперта и

ученого. В этой связи возникает вопрос о трудностях объективной оценки, сборе и анализе релевантных данных при проведении экспертизы. Л. С. Астахова стремится соотнести научную и экспертную деятельность религиоведа. Ею подчеркивается особый условно научный жанр религиоведческой экспертизы, который требует академической квалификации религиоведа и наличие дополнительных компетенций, связанных со спецификой процессуального процесса и получаемых «в рамках классического собственно религиоведческого образования» [15, с. 102].

В настоящее время проблематизировалось соотношение религиоведческих компетенций и правовых знаний, этических принципов научной деятельности и требований политической ситуации. По мнению В. И. Крусса профессиональное содействие в установлении истины о феноменально-духовных явлениях исторически предполагает наличие определенных юридических познаний и юридическое содержание экспертных оценок и выводов. Следовательно, эксперт-религиовед должен ориентироваться на конституционное правопонимание, а не на универсальную объективность и научную отвлеченность. Основным критерием оценки его выводов для правоприменителя (суда) становится «экзистенциальная сопряженность с горизонтом национальной ментальности, включая примат господствующей религиозной парадигмы» [16, с. 458]. Данная позиция противопоставляется мнению А. В. Пчелинцева и И. В. Загребинной, популярной в начале XXI века. Ими обосновывалась важность работы эксперта-религиоведа на принципах объективности, отказа от оценочных суждений относительно религиозного мировоззрения и толерантности, а «непредвзятая и беспристрастная оценка правовых явлений общественной и религиозной жизни являются важнейшими критериями достижения научной истины» [17, с. 108].

Роль религиоведа и его включенность в обеспечение безопасности во многом зависит от места религиоведения как самостоятельной науки в публичном пространстве и признании значимости результатов академическим сообще-

ством. В России с конца XX в. ведется дискуссия относительно становления религиозоведческого познания, исторического вклада в мировую науку, учитывая периоды законодательно закрепленного главенства Русской православной церкви до 1917 г. и воинствующего научного атеизма до 1990 г. К началу XX в. сложились два направления религиозоведения в русле интеллектуальной мысли: а) рассмотрение религии в конфессиональной парадигме; б) на основе методов критического научного анализа в рамках европейской науки [18, с. 191]. В советский период наука о религии развивалась как подструктура атеистической деятельности. Были проведены значимые социологические исследования религиозности. С 1991 г. религиозоведение стало оформляться как комплексная научная и учебная дисциплина. Произошло определение методологических оснований интегрирования, единства и взаимосвязи разноаспектных знаний [19, с. 116].

В российском законодательстве деятельность эксперта-религиоведа регулируется в зависимости от области его привлечения и соответствующих налагаемых на него обязательств. Первое, проведение экспертизы, выводы которой связаны с регистрационными действиями в отношении религиозных объединений, проверки достоверности сведений относительно вероучения и соответствующей ритуальной практики (Приказ Минюста РФ от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиозоведческой экспертизе»). В 1997 г. был создан институт государственной религиозоведческой экспертизы для удовлетворения потребности исполнительной власти в исследовании организаций, которые позиционируют себя религиозными, и проверке достоверности предоставленных ими сведений о вероучении и ритуальных практиках. При регистрирующих органах власти были сформированы экспертные советы, в которые вошли преимущественно ученые-религиоведы. Однако к 2020 г. ситуация изменилась. Сложились следующие модели: а) академические собрания при преобладании ученых социально-гуманитарного профиля – историков, философов, социологов, правоведов

(Нижегородская, Саратовская, Тюменская области); б) доминирование представителей органов власти (Алтайский край, Дагестан, Калужская область, Камчатский край); в) ученые, чиновники и общественники, аффилированные с религиозными организациями (Тверская область) [20, с. 194].

Второй вариант работы эксперта-религиоведа заключается в проведении исследования, выводы которого способствуют рассмотрению различного рода дел религиозного содержания (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). При этом оно может быть как самостоятельным, выполненным одним или несколькими религиоведами, так и частью комплексного (психолого-религиоведческого, религиоведческо-лингвистических и др.). Области востребованности являются признание религиозного текста экстремистским, возбуждение ненависти или вражды по религиозному признаку (ст. 282 УК РФ), выявление религиозного экстремистского (террористического) объединения (ст. 282.2, 282.2, 205.1, 205.2, 205.4 УК РФ), а также нарушение прав на свободу совести, свободу вероисповедания и религиозных объединений (ст. 5.26 КоАП, ст. 148 УК РФ).

В рамках обеспечения безопасности эксперты-религиоведы наделяются полномочиями секьюритизировать какие-либо проявления религиозности относительно референтного объекта, которым выступают государство и общество. Признание судами того или иного религиозного объединения экстремистским или террористическим является публичным актом. Он направлен на убеждение и информирование аудитории и осуществляется на основе социального капитала, привилегированного положения официальных политических структур и позиции неприятия идеологии насилия и дискриминации по религиозному признаку социумом. В процессе секьюритизации важными условиями являются личность эксперта, его профессиональная и общественная деятельность, объем обладаемого им символического капита-

ла и одобрение его позиции государством.

Однако в настоящее время ученый-религиовед зачастую выступает в качестве специалиста, консультируя следствие и суд по религиозным вопросам, поясняя содержания религиозной терминологии и ритуальных практик. Он ограничен в доступе к материалам и не выносит экспертного заключения. На наш взгляд, это обусловлено следующими условиями:

1. *Организационно-правовые нормы.* Первый аспект заключается в отсутствии четких юридических требований по причине того, что деятельность эксперта-религиоведа не требует обязательной государственной сертификации. Специалистом именуют лицо, которое обладает специальными знаниями. Его привлекают для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, постановки вопросов эксперту и разъяснения узкоспециализированных вопросов (ст. 58 УПК РФ). Экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями, которому назначают производство судебной экспертизы и дачу заключения. Он вправе запрашивать дополнительные сведения (ст. 57 УПК РФ). Второй аспект – проведение экспертизы связано с финансовыми и временными затратами, а также необходимостью погружать эксперта-религиоведа в юридическую сторону дела. В силу рабочей нагрузки и содержания полученного юридического образования правоохранителям и судам вопросы религиозности, многообразия религиозного опыта, внутриконфессиональной динамики и межрелигиозного взаимодействия воспринимаются нелогичными и некогерентными. В итоге проведение религиозной экспертизы представляется избыточным, а ее результаты – противоречащими и требующими дополнительных разъяснений в силу гуманитарной специфики объекта;

2. *Методологические основания.* Одна сторона заключается в различиях при организации работы между юристами, поэтапно разрешающие проблемы и продвигающиеся к получению ответов, и экспертами-религиоведами, комплексно

подходящими к ответу на поставленные вопросы, учитывающие контекст, выявляющие иные позиции и прогнозирующие дальнейшее развитие событий. Вторая сторона – наличие строгого порядка проведения юридических процедур и полное отсутствие требований, помимо формального характера, как юридических, так и этических, к методологии работы эксперта-религиоведа;

3. *Принадлежность к научной школе.* Сложность соотношения религиоведом своих научных интересов, мировоззренческих установок, правовых норм и интересов заказчика провоцирует проблему экстраполяции зачастую дискуссионных научных данных на правовое поле. Ситуацию усугубляет возможность различных интерпретаций одних и тех же религиоведческих данных учеными-религиоведами, как специализирующимися на какой-либо области исследования (феноменологии, социологии, психологии), так и работающих над одной проблематикой в рамках разных научных школ. Помимо этого, популярность получили экспертизы на экспертизы, целью которых является дискредитация ранее выданного заключения и самих экспертов, а не предоставление объективной (хоть и противоположной) позиции по существу судебного разбирательства.

Складывающаяся последнее десятилетие тенденция в религиоведческой экспертизе, с одной стороны, препятствует практико-ориентированности академической науки, ограничивает доступ ученых-религиоведов к религиоведческим данным, полученным в ходе оперативно-розыскной деятельности, особенно что касается религиозного экстремизма. С другой стороны, религиоведческая экспертиза ориентируется на правовые нормы и политическую конъюнктуру, игнорируя сущность и видоизменяемость религиозных процессов, рассматривая их статичными и, как следствие, не требующими законодательных изменений.

Заключение. Таким образом, можно выделить хронологию развития религиоведческой экспертизы в новейшей истории России: а) 1991–1997 гг. – осознание государством востребованно-

сти религиоведческого знания; б) 1997–2015 гг. – законодательное оформление с привлечением академического сообщества; в) 2015–2020 гг. – снижение вовлеченности ученых-религиоведов. Историческая динамика взаимоотношения позиций ученого-религиоведа и эксперта-религиоведа в становлении религиоведческой экспертизы за последнее десятилетие продемонстрировала снижение роли академической составляющей в пользу соответствия формальным критериям эксперта. Такая ситуация усу-

губляет разрыв между научно-исследовательской и экспертными позициями и препятствует оптимизации государственно-религиозного регулирования. Учитывая ключевую роль эксперта-религиоведа в секьюритизации нетрадиционных религиозных проявлений, в частности религиозного экстремизма, для обеспечения социетальной и национальной безопасности академическая составляющая религиоведческой экспертизы является смыслообразующей.

Список источников

1. Buzan B. *People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations*. Wheatsheaf Books, 1991. 262 p.
2. Roe P. *Societal Security // Contemporary Security Studies / ed. A. Collins*. Oxford University Press, 2019. P. 221–235.
3. Гласер М.А., Поляченков А.В., Новик Н.Н. Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы // *Философские науки*. 2021. Т. 64, № 6. С. 33–54.
4. Brodeur J-P. *Expertise Not Wanted: The Case of the Criminal Law // Experts in Science and Society / ed. by E. Kurz-Milcke, G.Gigerenzer*. N-Y, 2004. P. 123–158.
5. Zivot J. *Anesthesiology and the Ethics of Expert Witness Testimony // Anesthesiology Clinics*. 2024. Available online 24.
6. Krems J. *Expertise und Flexibilitat // Expertiseforschung / ed. by H. Gruberr, A. Ziegler*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. P. 80–91.
7. Wu X., Liao H. A multi-stage multi-criterion group decision-making method for emergency management based on alternative chain and trust radius of experts // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2024. Vol. 101, 104253.
8. Walter W. *Experts' Discourses as Judicial Drama or Bureaucratic Coordination: Family Debate in the United States and Germany // Experts in Science and Society / ed. by E. Kurz-Milcke, G.Gigerenzer*. N-Y, 2004. P. 27–46.
9. Pull together: Option-weighting-enhanced mixture-of-experts knowledge tracing / T. Huang [et al.] // *Expert Systems with Applications*. 2024. Vol. 248, 123419.
10. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. К вопросу о методологическом обеспечении религиоведческой экспертизы // *Вестник Тверского государственного университета*. Сер. «Философия». 2020. № 2 (52). С. 109–116.
11. Хаснутдинов Р.Р., Пищулина Я.А. Значение религиоведческой экспертизы по делам об экстремизме // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 11-2. С. 128–132.
12. Крюков Д.О. Религиоведческая экспертиза: проблема источников и методов // *Правда*. 2019. № 2 (8). С. 68–72.
13. Элбакян Е.С. Энциклопедичность и практикоориентированные исследования в современном религиоведении // *Религиоведение*. 2018. № 4. С. 145–151.
14. Лисовская А.В. Функциональное значение религиоведческой экспертизы в многоконфессиональном российском обществе // *Межрегиональные пименовские чтения*. 2020. № 17. С. 232–237.
15. Астахова Л.С. Судебная религиоведческая экспертиза – научный жанр вне научной аудитории: опыт метаэкспертизы // *Гуманитарные науки в XXI веке*. 2015. № 5. С. 89–103. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=34223648> (дата обращения: 23.04.2024).